

Сердце Рауля Валленберга

Даруй боящимся Тебя знамя,
чтобы они подняли его ради истины.

Псалтирь 59:6

Спасай взятых на смерть, и неужели
откажешься от обреченных на
убиение?

Притчи 24:11

В данной статье мы не намереваемся рассказывать подробно о жизни, подвиге и исчезновении Рауля Валленберга, одного из самых замечательных героев середины прошлого века. Смердная жажда ненависти сомкнулась над его головой 17 января 1945 года - исчез праведник, спасший десятки тысяч человек. С тех пор много людей в разных странах самоотверженно пытались открыть истину о его дальнейшей судьбе в ГУЛАГе. Результатов, увы, немного. Причиной этому являлась враждебная воля власть имущих советского государства, а после распада СССР – отсутствие подлинной доброй воли работников архивов (и, особенно, их начальства...) в установлении истины.

Здесь мы попытаемся лишь рассказать об информационной возне у сердца(в буквальном смысле этого слова) Рауля Валленберга.

Такие, как Рауль Валленберг, оказали честь человеческому роду. Это о них писал Иммануил Кант: «Не поддерживает ли честного человека в огромном несчастье, которого он мог бы избежать, если бы только мог пренебречь своим долгом, сознание того, что в своем лице он сохранил достоинство человечества и оказал ему честь и что у него нет основания стыдиться себя и бояться внутреннего взора самоиспытания?»

В десятках городов мира установлены памятники и мемориальные доски этому человеку: в Будапеште (не зря же его называли «будапештский мессия»), Лондоне, Буэнос-Айресе, Нью-Йорке, Стокгольме, Лидингё (там он родился), Гетеборге, Тель-Авиве, Москве, Монреале, Батуми, Ужгороде... Самым трогательным, по нашему мнению, является один из памятников ему в Лидингё (Швеция).

Этот бронзовый портфель с инициалами Рауля Валленберга стоит на фундаменте дома, в котором он родился 4 августа 1912 года.

Подобный портфель был с Валленбергом на улицах оккупированного нацистами Будапешта, находящегося в кольце 2-го и 3-его Украинских фронтов Красной Армии в ноябре-декабре 1944 г. и в

Бронзовый «портфель Рауля Валленберга» в Капсте (Лидингё)

первой половине января 1945 г. Этот портфель хранил списки людей, которых надо было спасти, самодельные охранные шведские паспорта, изготовленные секретарем шведской миссии Раулем Валленбергом, которые он раздавал несчастным жертвам на улицах Будапешта и, в октябре 1944 г., в колоннах жертв «пеших маршей смерти» на пути в Освенцим.

Бронзовый портфель с инициалами RW стоит на фундаменте дачи семьи его матери, Май Висинг, в Капсте в Лидингё, сгоревшей при пожаре. Было принято решение не восстанавливать ее, замостить фундамент камнями, вынутыми из мостовой будапештского гетто...

У этого прелестного шведского ребенка, которого родители привели сюда, к «портфелю Валленберга» будет счастливое детство и юность, благополучная жизнь и спокойная старость...Хотя стопроцентной гарантии не существует (мир наш достаточно страшен и сегод-

ня): кто бы мог подумать, что того мальчика из мирного, благополучного Стокгольма (Рауль на коленях своего деда, тогда - посла Швеции в Японии) ожидает гибель в ГУЛАГе, скрытой глубокой тайной и по сей день?

Шведский ребенок обнимает бронзовый «портфель Рауля Валленберга»,
Лидингё (Швеция), наши дни.

Рауль Валленберг на коленях
у деда, посла Густава Валленберга,
Стокгольм, конец 10-х годов 20-го
века

В Советском Энциклопедическом Словаре 1987 г. [1] статья о Рауле Валленберге отсутствовала, и это еще можно было понять: времена только начали меняться. Этот словарь содержал, однако, пять строк о клане Валленбергов «монополистической группе Швеции».

Трудно понять другое: вышедшие позднее российские энциклопедические словари продолжали хранить полнейшее молчание о Рауле Валленберге [2-5]. И это наряду с тем, что эти издания содержали массу статей о людях, которые явно не пройдут проверку временем и в недалеком будущем бесследно исчезнут из изданий данной «весовой» категории.

Большие советские, российские писатели братья Вайнер и Юлиан Семенов [6,7] рассказали своим читателям о Рауле Валленберге как только это стало возможным (до этого люди в СССР могли услышать непроизносимое в их стране имя лишь в треске радио-помех «вражеских голосов»). Это были очень сильные, теплые и провидческие тексты. В великой книге братьев Вайнер «Евангелие от палача» (законченной в 1979 г.(!) и хранимой в подполье) рассказ о Рауле Валленберге велся от лица палача, «нашего Скорцени», способного перебить человек десять голыми руками, полковника ГБ Паши (Павла Егоровича, если кому так больше нравится...) Хваткина, инициатора «дела врачей» по версии книги, и профессора права в «вегетарианские» времена Леонида Ильича (в приводимом далее тексте из книги-ПХ, Рауль Валленберг-РВ).

ПХ:

- Видит Бог-чистая правда! Если бы Валленберг, содержащийся в нижнем ярусе Сухановской тюрьмы, принял наши условия, всем от этого было бы только лучше. Но он, варяг жидовский, сука скандинавская, еврейский наймит, не принял наших условий, и всем от этого стало хуже, а уж ему-то в первую очередь!...

- Вам предлагается определенного рода миссия. Она состоит в том, чтобы вы поговорили с заключенным...одним из главных раввинов на территории СССР... чтобы он возглавил этот еврейский исход... Если вы сумеете уговорить ...,то мы разрешим вам выехать на родину...

РВ:

-Вы держите меня здесь восемь лет и однажды вы вынуждены будете меня отпустить. Даже если я не совершу эту мерзость предательства. Я готов подождать еще несколько лет...

ПХ:

- Господин Валленберг, не надейтесь. То что вы мне сказали,-это глупость. Для вашей страны и для вашей семьи вы давно уже мертвы. Следы ваши потеряны навсегда. И если вы не проявите благоразумие и не захотите нам помочь, вы никогда отсюда не выйдете, вы безвестно сгниете в этом мешке...

-Больше я никогда его не видел. Через четыре года после этой встречи Громыко уведомил шведов, что Валленберг скончался семнадцатого июля сорок седьмого года в больнице Внутренней тюрьмы от сердечного приступа. Я не знаю, жив ли Валленберг сейчас или он скончался от сердечного приступа, но спустя шесть лет после его мнимой смерти я разговаривал с ним, и был он горбат, искривлен ревматизмом, почти облысел, хотя дух его был несокрушимо тверд. Он ведь так и не согласился! [6].

В своей самой сильной книге «Отчаяние» Ю.Семенов рассказывает о М.М.Исаеве («Штирлице»), брошенном в послевоенные годы в застенки МГБ и оказавшимся этак в году сорок восьмом прошлого уже века в камере с Раулем Валленбергом:

«...Исаев снова посмотрел на фотографию, кивнул:

-Вы правы, это Валленберг, банкир из Швеции

-Вам не кажется странным, что еврейский банкир из Швеции дружески беседует с палачом еврейского народа?

-...Он работал в шведском посольстве в Будапеште, там Эйхман не только уничтожал евреев, но старался часть несчастных обменять на машины и бензин для рейха...Видимо, Валленберг...пытался спасти как можно больше несчастных...

-Дело в том, что Валленберг у нас...И мы располагаем данными, что он сотрудничал с Эйхманом...Мы не хотим портить отношения со шведами, нам хочется провести открытый суд и изобличить Валленберга, а потом выслать его к чертовой матери в Стокгольм... вы, как Штирлиц, а не Исаев, убедите его в целесообразности выйти на открытый процесс, принять на себя хотя бы часть вины в сотрудничестве с Эйхманом, то есть с гестапо, или же на открытом процессе дать показания-в качестве Штирлица, а не Исаева, - что вы знали о сотрудничестве Валленберга с Эйхманом...

Назавтра Исаева перевели в другую камеру...перед ним был изможденный, поседевший, лимоннолицый Рауль Валленберг...»

Там, в камере, Исаев увидел «молчаливые диалоги» Валленберга с тем самым Власовым, читавшим и отчеркивающим ногтем примечательные места в Библии, перешедшей затем к Валленбергу: «...как бы в пику ногтю Власову-мизинец Валленберга: « И тогда как они будут в в земле врагов их,- Я не презрю их, чтобы разрушить завет Мой с ними; ибо Я Господь Бог их...Вспомню для них завет с предками, которых вывел Я из земли Египетской перед глазами народов, чтобы быть их Богом.» Исаев поднял глаза на Валленберга:

- Молчаливые диалоги.

Тот кивнул.

-Поглядите Псалтырь...Пятьдесят девятый псалом...

Исаев закрыл на мгновение глаза, потер виски, прочитал на память:

- Даруй боящимся Тебя зная, чтобы они подняли его ради истины...

Валленберг не смог скрыть восхищенного изумления:

- Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убиение?...»

Их разлучили, поняв, что Исаев заодно с Валленбергом и - против Конторы. Под предлогом будущей встречи с сыном Исаева одели в полковничий мундир, а затем вероломно привели к нему Валленберга «...Валленберг увидел седого полковника, который медленно обернулся нему, узнал Исаева...тонко закричал и, наклонив голову, бросился к окну...он(Исаев-прим.авт.) все больше и больше ощущал, что его, прежнего, нет уже; пуст; если что и осталось, то лишь одно отчаяние(далее читатель, который не боится узнать определение отчаяния, может прочесть его в этом месте книги-десять отчаянных строк - прим.авт.)...»

Заканчивается книга, повествуя о времени после смерти Сталина: «...Не забыл он (Берия-прим.авт.) и об эмоциональном аспекте борьбы за лидерство: приказал найти в лагерях и тюрьмах бывших нелегалов, подкормить их, подлечить и дать о них серию материалов в газетах: «В МГБ были не только садисты типа Рюмина, ставленники тирана, но и истинные герои в борьбе с нацизмом.»

Исаева нашли во Владимирском политическом изоляторе: полуослепший, беззубый, с перебитыми ногами, он был помещен в тюремный госпиталь...Лишь после этого Берия вспомнил о Валленберге: не помер ли где в одиночке или на каторге? По счастью был жив...Навстречу Валленбергу вышел из-за стола, пожал руку:

- Те,кто мучил вас в течение всех этих лет, трагичных для нашей страны, по моему приказу арестованы. Начато следствие. Мерзавцев ждет смертная казнь, они позорили Сталинскую конституцию...

- Я бы хотел также выступить на процессе против изювера Абакумова, который проводил со мной первые допросы...(Берия держал Абакумова в резерве: ...Виктор вернется в прежнее кресло, кроме него, некому...)...

- Вы что-то путаете, господин Валленберг...Он сам был жертвой клеветы, его пытали в этом же здании...Если настаиваете-не смею возражать...

Сразу после этого вызвал Комурова (Кобулова-прим.авт.):

- Ты был прав, Богдан.Увы, ты был прав...Подготовь справку, датированную сорок шестым или сорок седьмым годом: «Валленберг

умер от разрыва сердца». И запи в сейф. До поры, до времени... Справку пусть сделают по форме, подпишется начальник тюремного госпиталя, протокол и все такое прочее, чтоб в Стокгольме никто не подточил носа...» [7].

Такого рода документ и был написан Смольцовым Александром Лукичом, полковником медслужбы и главой военно-медицинской комиссии МГБ. [8,9]. Он являлся лекпомом санчасти ГПУ с момента его основания в 1922 г...Печально известный человек....В качестве председателя комиссии подписал акт медосвидетельствования О.Э.Мандельштама 24.06.1938 г. Акт свидетельствовал, что «...он душевной болезнью не страдает, а является личностью психопатического склада со склонностью к навязчивым мыслям и фантазированию. Как недушевнобольной – ВМЕНЯЕМ» [10]. Это была путевка в лагерь, в смерть для, душевнобольного уже тогда, великого поэта. Подпись Смольцова (председатель комиссии, военврач 2-го ранга) и на медосвидетельствовании С.Я.Эфрона от 20.11.1939 г. В справке указывалось, что уже через две недели после его ареста он наблюдался психиатром, а затем был помещен в психиатрическое отделение больницы Бутырской тюрьмы по поводу: «...острого реактивного галлюциноза и попытки на самоубийство...» [11]. Среди «однопольчан» слыл человеком, привыкшим закрывать глаза на грязные дела. Если что-то не так-вызывали Смольцова. Никуда из дома не выходил, никого к себе не приглашал, ни с кем не разговаривал. Напуган был хронически...Сын его, Виктор, тоже боец Конторы, об отце отзывался, конечно же, тепло в интервью корреспонденту «Коммерсантъ» [12] Жирнову. По словам сына, А.Л.Смольцов разбирался во всех медицинских специальностях, был хирургом, терапевтом, психиатром,...просто талант какой-то был в диагностике, в диагнозах его никто не сомневался. Окончил военно-фельдшерское училище в Москве и работал в ЧК с 1922 г. Без отрыва окончил в 1928 г. медфак МГУ . В последний год работы ночью на Лубянку вызывали редко, а вот к Валленбергу, который в последнее время плохо себя чувствовал, в июле 1947 г. вызывали. Валленберг умер в камере и Смольцов очень переживал его смерть, хотя почти ничего не говорил-очень скрытный был чело-век...Почему он подал рапорт о смерти Валленберга через голову начальника Внутренней тюрьмы Миронова и начальника управления Герцовского? Так,ведь Валленберг по приказу министра, находился под его личным наблюдением...В октябре Смольцов, по словам сына, ушел в отставку по состоянию здоровья: одолела сердечная слабость, даже не мог ходить за пенсией, в последний раз привезли с работы на носилках, дома с трудом вставал, еле ходил...1 мая 1953 г. почувствовал себя очень

плохо, руки синели под ногтями и 5 мая (по Л.Млечину [13] – 7 мая) 1953 г. умер. Таким образом, Смольцов мог теоретически написать под диктовку тот известный рапорт не 17 июля 1947 г., а в марте-апреле 1953 г., после прихода Берии в объединенное МВД, поглотившее МГБ.

Еще одно упоминание о сердце Рауля Валленберга, относящееся к 1947 г., содержится в книге Я.Я.Этингера, приемного сына профессора Этингера, одного из первых жертв будущего дела об «убийцах в белых халатах» [14]. Весной 1952 г. следователь на очередном допросе Я.Я.Этингера, также попавшего в застенки МГБ вслед за приемным отцом, спросил, известно ли ему, что профессор Этингер вместе с другими врачами осматривал в 1947 г. одного «иностранного друга нашей страны». Их заключение гласило, что «иностранный друг нашей страны» здоров, в то время как у него было сердечное заболевание, от которого тот и умер. Я.Я.Этингер ответив следователю, что ему ничего не известно об этом, тут же вспомнил рассказ отца о том консилиуме. Следователь же посетовал, что врачи-убийцы обрекли на смерть верного друга СССР, и больше к этому вопросу не возвращался.

Рассказ профессора Этингера относился к концу мая-началу июня 1947 г., когда ему позвонил тогдашний начальник Лечсанупра Кремля Бусалов. Бусалов сказал, что необходимо осмотреть одного больного иностранца, фамилию которого он не назвал. В консилиуме должны были принять участие еще два крупных кардиолога В.Н.Виноградов и В.Е.Незлин, а также заведующая ЭКГ-кабинетом Кремлевской больницы С.Е.Карпай. Их доставили в загородный двухэтажный дом, окруженный высоким забором. Этот дом был знаком профессору Этингеру: летом 1945 г. в сопровождении Бусалова он осматривал там пожилую женщину, по виду-аристократку, очевидно арестованную СМЕРШем в какой-то европейской стране.

В комнате, на кровати полулежал человек 33-35 лет, находившийся в явно подавленном заторможенном состоянии. Здесь же находился лечащий врач и переводчик из МГБ. Он говорил с больным на языке, который был либо шведским, либо голландским. Попытка Этингера заговорить с больным по-немецки была пресечена этим переводчиком, объявившим, что других языков больной не знает. Лечащий врач показал сделанную за несколько дней до консилиума ЭКГ больного, показывающей некоторые патологические изменения

в сердце больного. С.Е.Карпай сделала на месте повторную ЭКГ больного, которая была заметно лучше предыдущей. В конечном счете профессора пришли к выводу, что у больного иностранца нет никаких изменений в области сердца, а существует некоторая вялость сердечной мышцы. Возвратившись домой, Этингер рассказал домашним, что был у какого-то странного пациента-иностранца, который не был похож на больного человека. Больше профессора Этингера к этому человеку не вызывали.

Я.Я.Этингер считал, что цель этого консилиума заключалась в том, чтобы к заранее задуманному рапорту Смольцова подшить и заключение професоров, но сослаться на него в 1957 г. не стали, так как оно не содержало того, что было нужно советским властям, сообщили лишь о рапорте Смольцова, который был ложью... Таким образом подготовка смерти Рауля Валленберга «по причине сердечного приступа» началась заранее, после записки Вышинского (№ 312-В от 14 мая 1947 г.) Молотову, в которой высказывается соображение: «поскольку дело Валленберга до настоящего времени продолжает оставаться без движения, я прошу Вас обязать тов. Абакумова представить справку по существу дела и предложения о его ликвидации». 18 мая 1947г. Молотов на этом документе написал резолюцию: «Тов. Абакумову. Прошу доложить мне».

Ставит под сомнение достоверность рапорта Смольцова и двусмысленность докладной записки МИД СССР от 5.04.1956 г. , появившейся в ходе подготовки «меморандума Громыко» 1957 г. Эта докладная записка комментировала свидетельство, сделанное шведам, финского гражданина Мэнтюнена, вернувшегося на родину после пребывания в советской тюрьме в конце 50-х годов: «По данным Министерства внутренних дел СССР и КГБ, Мэнтонен, когда он сидел в тюрьме в СССР (в 1949-1955 г.г.) не встречался с Раулем Валленбергом, и, поэтому не мог дать представителям Швеции какие-либо материалы о Рауле Валленберге, которые вообще заслуживали бы внимания». Как же надо толковать слова «не встречался»? Не встречался, потому, что Рауль Валленберг был заключен в другом месте или потому, что к этому времени (1949 г.) он был уже мертв? [8].

Громкой сенсацией, связанной с сердцем Рауля Валленберга, стало дело «Сварц-Мясников», которое началось с беседы этих двух врачей-кардиологов в Москве в январе 1961 года и закончилось смертью Мясникова в ноябре 1965 г. Об этом деле шведская обществен-

ность узнала в 1965 г. после публикации шведским правительством Tage Эрландера соответствующей «Белой книги» [8].

Профессор Нанна Сварц была известным терапевтом, кардиологом Каролинской больницы Стокгольма, членом социал-демократической партии Швеции, партии, которая дружественно относилась к СССР, близкой знакомой матери Рауля Валленберга и советского посла в Швеции А.М. Коллонтай. Сварц лечила ее в Швеции и сопровождала Коллонтай, не оправившуюся от инсульта, в Москву во время ее спешной «эвакуации» из Швеции в феврале 1945 г. в несомненной связи с делом Рауля Валленберга [13,15].

В январе 1961 г. Сварц направилась в очередной раз в Москву, на научную медицинскую конференцию. Там она встретилась, уже не в первый раз и не только в Москве, с профессором А.Л. Мясниковым, директором Института терапии АМН СССР. Сварц и Мясников несколько раз, начиная с 1954 г. (когда того в первый раз выпустили в Швецию) обсуждали специальные медицинские вопросы на немецком языке.

Александр Леонидович Мясников был «полпредом» советской медицины за границей, начиная с 1954 года, когда советские власти разрешили определенные международные контакты избранным представителям советской медицины. Он коллекционировал картины, любил старую бронзу, павловскую мебель красного дерева, походы в театр с молодыми, симпатичными аспирантками... Один его бывший студент вспоминал [16]: «...Кафедрой терапии заведовал академик Александр Леонидович Мясников-выдающийся клиницист, ученик знаменитого Г.Ф. Ланга...Высокий, седой и очень импозантный, он покорял одним своим видом. В распахнутом белоснежном халате поверх роскошного костюма он под аплодисменты входил в аудиторию и спрашивал у ассистента: «Любезный, скажите, пожалуйста, какая у нас сегодня тема?» Получив ответ, начинал лекцию. Студенты и аспиранты - особенно, конечно, их женская часть - любовались Мясниковым, а он, вдохновленный хроническим вниманием, напоминал артиста, блестяще исполняющего привычную роль. Но однажды он - совсем не по своей воле - принял участие в последнем акте настоящей драмы: в марте 1953-го академика вдруг вызвали к постели умирающего Сталина. Допускаю, что Александр Леонидович наблюдал последние конвульсии вождя...Медицинское заключение о его болезни и смерти было подписано ...и Мясниковым».

Совсем недавно опубликованы мемуары А.Л.Мясникова [17]. В предисловии к ним говорится, что его характер и прямые высказывания снискали ему зависть и устойчивое неприятие власть имущих в СССР, что на юбилей такого известного академика и ученого с мировым именем (удостоенного высшей международной медицинской награды «Золотой стетоскоп») не пришел никто из руководства Минздрава, а рукопись была запрещена к печати и 45 лет хранилась в секретных архивах ЦК КПСС...Если так и было, то причиной проверки письменного наследия академика было именно дело «Сварц-Мясников», а для изъятия рукописи было две причины:

- содержащееся в рукописи описание смерти Сталина и
- рассказ о беседе с Сварц о судьбе Рауля Валленберга.

(Внук А.Л.Мясникова, ныне популярный в Интернете врач (и сам тоже А.Л.Мясников), однако, утверждал, что еще в детстве прочитал неопубликованные воспоминания уже умершего деда...)

Вот, что говорится в книге А.Л.Мясникова по поводу беседы с Сварц: «...В том же 1954 году в сентябре я побывал в Швеции на конгрессе по внутренней медицине в Стокгольме. Советские медицинские общества к этому времени - через год после смерти Сталина – стали вступать в международные научные организации (конечно, по выбору наших руководящих органов). В данное международное общество мы получили приглашение от его президента проф. Нанны Сварц (шведка). Эта почтенная женщина, социал-демократ, лечит вместе с тем короля и королеву, в дружбе с нашим послом мадам Коллонтай и т.д. Это грузноватая особа, культурный человек, побывала во всех странах мира и владеет многими языками. Она любитель музыки, живописи и старинной архитектуры, а также понимает толк во внутреннем убранстве (в Москве она побывала у нас дома, и я видел ее реакцию на старую бронзу и павловскую мебель красного дерева).

С Нанной Сварц у меня связано и одно неприятное воспоминание. Совсем недавно она приезжала в Москву на ревматологическую конференцию, смотрела наш институт, выступала в терапевтическом обществе и все такое. И вдруг звонок из особых «органов» «О чем с вами беседовала в вашем кабинете г-жа Сварц?» А беседовала она о том, что во время войны был взят в плен и увезен нашими частями из Будапешта важный молодой человек, сын одного из самых влиятельных банкиров Стокгольма – Валленберга. О нем посол Сульман много раз запрашивал наш МИД. Ответа не последовало. Пропал. Потом сказали «умер». Обращались даже с вопросом к Хрущеву.

Сварц просили выяснить судьбу несчастного человека путем неофициальным. Она вообразила, что лучше всего это сделать через медиков, которые, наверно, лечат Хрущева (Мясников лечил Сталина, наверное, он лечит и Хрущева). И вот она меня спрашивала помочь ей, поговорить с Хрущевым и т.д. Я ответил, что Хрущев здоров, я его не лечу и не имею никакой возможности встречи с ним, тем более по такому делу, что наши отношения с иностранными учеными не должны касаться вопросов политических. «Это не политика, а вопрос гуманизма», - возразила она.

Мне дано было понять, что дальнейшие встречи с Нанной Сварц нежелательны...»

Заканчивал свои мемуары (в конце текста: «Красновидово, 4.08.1965») А.Л. Мясников вполне оптимистично: «Приезды, отъезды. Не много ли? Не пора ли остановиться? К старости усиливается охота к перемене мест. Хочется побольше посмотреть, пока не свалит вас какой-нибудь недуг - или не придет час последнего отъезда, из которого уже не будет возвращения. Но мне не свойственен пессимизм – и может быть, «мы еще повоюем, черт возьми!» [17].

Вышло же по-другому. Через три с половиной месяца Мясников умер. Е.И. Чазов, его ученик и преемник на посту директора Института терапии, вспоминал: «...Помню как он больной, с недавно перенесенными очаговыми изменениями в миокарде поехал в Ленинград на празднование Г.Ф.Ланга...Во время доклада у него началась мерцательная аритмия, а в поезде при возвращении возник приступ удушья. Это было осенью 1965 г., за месяц до его смерти» [18].

Теперь слово внуку Мясникова: «...А потом было 19.11.1965 года. Пятница, это день, когда меня отдавали деду. Мы с мамой вошли в подъезд, а консьерж нам и говорит: «Александр Леонидович умер, вот только «Скорая» уехала...» Обширный инфаркт. Говорят, когда он впервые почувствовал неладное, деда пытались уложить в больницу. Он наотрез отказался...И в несчастное для него утро встретился с каким-то коллекционером (по другим сведениям – с двумя коллекционерами (или «коллекционерами»?) [19] – прим. авт.), опознал в предлагаемой картине подделку, разволновался и упал сразу как тот ушел... Ровно за три месяца до этого мы справляли его 66-летие».

По нашему мнению, эта скорая смерть была вызвана той январской встречей с Нанной Сварц и всем, что произошло в этой связи в течение следующих четырех лет...

Обратимся к книге Джона Бирмана [8], чтобы прочесть правдивый рассказ о деле «Сварц-Мясников».

27.01.1961 г. в кабинете у Мясникова Сварц и принимавший ее хозяин обсуждали ход конференции, а затем Сварц направила разговор в другое русло: « ...Я описала ему историю Рауля Валленберга и спросила, не знает ли он что-нибудь об этом человеке, на что он утвердительно кивнул головой...И тут мой собеседник вдруг сказал, что он про эту историю знает и что лицо, о котором я спрашиваю, находится сейчас в очень неважном состоянии...Он спросил меня, чего я добиваюсь, и я ответила ему, что самое главное – это вернуть Валленберга домой в любом его состоянии. Мой собеседник сказал тогда, понизив голос, что лицо о котором я спрашиваю, находится в психиатрической больнице...»

Услышав все это, Сварц разволновалась, вообразив, что вот-вот и...после 16 лет разлуки, страшной неизвестности мать Рауля Валленберга увидит сына, объявленного мертвым уже 14 лет назад, в родном доме...

Мясников вдруг попросил ее подождать в том же кабинете, пока он не приведет своего «коллегу для консультаций». Через некоторое время он вернулся с «русским ученым» (слова Сварц), имя которого не было названо ни тогда, ни позже. Этот человек остался в кабинете с Сварц, а Мясников их покинул.

« ...Его коллега (если бы Сварц знала советские порядки, она бы поняла, что это не «русский ученый», а начальник первого отдела, отвечающего «за режим» в институте Мясникова – только в этом случае директор мог уступить свой собственный кабинет и выйти в подобном щекотливом случае: видимо, Мясников понял, что поступил неосмотрительно, навлекая на себя нешуточные неприятности и призвал на помощь этого своего «коллегу»-прим. авт.) сел напротив, лицом ко мне... Он попросил внятно рассказать ему, где служил Валленберг, и написать его имя на листке бумаги. Тогда я написала атташе Рауль Валленберг... Я спросила его, не поможет ли он нам, и он ответил, что сделает все, что в его силах...» Сварц, в предвкушении ошеломляющей удачи, рассказала «коллеге» о том,

что она лично знает зам. министра иностранных дел Семенова, с которым она познакомилась во время его пребывания в Швеции.

В.С. Семенов, «Нестор советской дипломатии», «серый кардинал МИД», «человек ГБ», «танк Т-34»-так его прозывали в западной печати, а Молотов, положивший начало его стремительной карьере, в беседах с журналистом Ф.Чуевым называл его очень тепло: «наш гауляйтер в Германии». Он работал в начале своей карьеры в советском посольстве в Стокгольме и осуществлял негласный контроль над действиями советского посла Коллонтай со стороны «органов» и немало мог бы, при желании..., рассказать Сварц о деле Рауля Валленберга: поскольку был отозван в Москву сразу же после ареста Рауля Валленберга в Будапеште, видимо, чтобы прокомментировать сложившуюся ситуацию в Стокгольме и помочь оценить возможную реакцию шведов на это событие, а может быть, и принять определенное участие в «разработке» Валленберга в Москве. Большая Коллонтай была стремительно «эвакуирована» из Стокгольма чуть позже, чтобы не мешала «органам», идя на контакты с ее добрыми шведскими знакомыми, пытающимися узнать о судьбе Рауля Валленберга. Семенов был знатоком дела Валленберга: на втором, черновом варианте (конец октября 1956 г.) «меморандума Громыко» 1957 г. есть его собственноручная помета: «Это не годится (в качестве ответа)» (причина такого вывода осталась загадкой: во всяком случае понятно, что Семенов не был поборником правдивого ответа шведам) [8].

Сварц спросила «коллегу», считает ли он возможным, чтобы Рауль Валленберг был передан ей, как лечащему врачу, уже в ходе этого визита в Москву. «Коллега» милостиво не исключал такой возможности ...«если он (Рауль Валленберг) по-прежнему жив», однако сказал, что сначала Сварц должна обговорить все с Семеновым. Сварц поспешила обратно в гостиницу, узнала в посольстве номер телефона Семенова и позвонила ему. Секретарь ответила, что он за границей (Семенов мог быть тогда и на месте, но, несомненно, был уже предупрежден «коллегой» Мясникова о нежелательной просительнице. Ни разу он не отозвался на ее звонки и обращения в письменной форме (первое письмо она написала ему еще тогда, перед возвращением в Стокгольм).

Вернувшись в Стокгольм, Сварц позвонила домой премьер-министру Швеции Таге Эрландеру, лидеру партии социал-демократов, к которой принадлежала и Сварц. Услышав, что произошло в Москве, он пригласил Сварц к себе. Полностью ей доверяя, Эрландер на-

писал личное послание Хрущеву, которое доставил адресату посол Сульман 9.02.1961 г. В ожидании ответа от Хрущева Сварц написала письмо Мясникову, выражая надежду, что вскоре встретится с ним, и еще одно письмо Семенову.

От Мясникова ответ был получен – рад будет встретиться. И через месяц Сварц встречается с ним в присутствии еще одного «советского ученого». На вопрос, может ли она посетить Валленберга в больнице, Мясников ответил, что вопрос о Валленберге, «если он только не умер», должен решаться в высших инстанциях. На это Сварц ответила, «...что тогда он, должно быть, умер совсем недавно. Что-то (или, вернее, все) пошло не так...

При следующей встрече наедине Мясников сказал Сварц, что той не следовало передавать властям содержание их январского разговора. Из-за его плохого владения немецким они совсем друг друга не поняли: о деле Валленберга он ничего не знает...Его вызывали к самому Хрущеву, который был в бешенстве, стучал по кулаком по столу и под конец велел Мясникову убираться прочь.

Сварц вновь попыталась связаться с Семеновым, теперь уже по домашнему телефону (этот номер она получила от Мясникова: они с Семеновым были хорошо знакомы – Мясников приобщил того к коллекционированию картин) – безрезультатно.

В мае 1962 г. Сварц вновь была в Москве. При встрече с Мясниковым, попытавшись вновь заговорить о Валленберге, она получила ответ, что этот вопрос надо решать на самом верху, а все дальнейшие разговоры между ними на эту тему неуместны.

Через полтора года после вручения письма Эрландера Хрущеву ответ так и не был получен и поэтому 17.08.1962 г. Эрландер вызвал советского посла Ф.Гусева, покидавшего свой пост, и зачитал ему заявление для передачи Хрущеву. В заявлении требовалось тщательно расследовать дело [8] и не игнорировать принцип гуманного поведения в деле воссоединения семей. Ответа не последовало. Контакты между Сварц и Мясниковым также возобновить не удалось.

В середине марта 1964 г. Громыко посетил Стокгольм и Эрландер потребовал у него ответа на свое послание и предложил устроить между Сварц и Мясниковым специальную встречу. Через 6 недель после этого, 29.04.1964 г., Сварц получила письмо от Мясникова.

Он утверждал, что ничего о местонахождении Валленберга не знает, никогда не слышал его имени, и, не имеет ни малейшего понятия жив он или нет; напоминал, что советовал Сварц обращаться в МИД СССР и сетовал, что их короткий разговор (на немецком языке, которым он свободно не владеет) был ошибочно истолкован официальными шведскими кругами.

28.05.1964 г. Сварц написала подробный ответ на это письмо Мясникова. В нем она восстанавливала весь ход январского разговора 1961 г., а по поводу языковых трудностей напоминала, что они оба даже в 1954 г., когда впервые встретились, всегда хорошо понимали и вопросы и ответы друг друга, что также имело место и во время того разговора в январе 1961 г.

В результате еще нескольких шведских представлений между Сварц и Мясниковым была устроена специальная встреча в Москве в присутствии шведского посла Гуннара Ярринга и двух представителей МИД СССР. Эта встреча оказалась последней и ничего нового не принесла. Каждый стоял на своем: одна версия противостояла другой.

Смерть Мясникова ,через 4 месяца после данной встречи, Сварц прокомментировала впоследствии так: «Ему было чуть больше 60. Признаюсь, я иногда думаю: а действительно ли он умер естественной смертью?» [8].

В отчете о деятельности российско-шведской группы по выяснению судьбы Рауля Валленберга (1991-2000 г.г.) содержатся лишь три строки, касающихся дела Сварц-Мясникова: просто констатируется факт передачи записи бесед Мясникова с послом Яррингом и Сварц в 1965 г. [20].

В подобном отчете шведско- российской группы по поводу дела Сварц-Мясников чувствуется чрезмерная склонность к компромиссу: «Невозможно было однозначно установить, что правильно: версия профессора Сварц или опровержение профессора Мясникова. После посещения Мясникова Сварц казалась убежденной в правоте своей версии и говорила уверенно, хотя ее рассказы о беседе несколько отличались один от другого в точности выражений; после встречи с Мясниковым в 1965 г. она сама подтверждает, что каждый из них остался при своем мнении.

Если сведения Сварц все же основывались на недоразумении, то

как это можно объяснить? Недавно выяснилось, что Мясников имел привычку неоднократно кивать головой, как бы соглашаясь с мнением собеседника. Кроме того, нельзя исключить проблем языкового общения и связанных с этим недоразумений (например, Мясников мог иметь в виду, что Рауль Валленберг, возможно, находился в психиатрической клинике). Они вполне могли понимать друг друга, когда речь шла о медицинских вопросах, но в остальном познания Мясникова в немецком языке, по мнению посла Ярринга, были невелики. Нанна Сварц знала немецкий язык несколько лучше. Однако ясности в этом эпизоде достичь не удалось – одни данные противостоят другим, и дополнительные поиски в архивах до сих пор не позволили выяснить этот вопрос» [8].

19.01.2009 г. в газете «Время новостей» было опубликовано интервью начальника Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ В.С.Христофорова, озаглавленное «Состав преступления: Точка в «деле Валленберга» не поставлена до сих пор» [21]. Быстрой реакцией на это интервью (всего спустя 9 дней) стало открытое письмо в Интернете , подписанное братом Рауля Валленберга по материнской линии профессором Ги фон Дардель, члена той самой шведско- российской группы и несколькими другими ее консультантами и членами. В письме отмечалось, что полемика между Сварц и Мясниковым 1961-1965 г.г. неоднократно обсуждалась на самом высоком уровне, в ЦК и Политбюро. Полная документация по этому вопросу так и не была представлена российскими властями. А ведь она могла бы определить действительно ли ошибалась Сварц и положить конец существующему противоречию в этом деле. По поводу рапорта Смольцова в том же письме отмечалось, что невыясненными остались вопросы относительно здоровья и занимаемой должности Смольцова в 1947 г., т.к. существует версия, что летом 1947 г. он отсутствовал на службе по состоянию здоровья. С помощью советских административных документов это возможно и необходимо выяснить [22]. Это открытое письмо осталось без ответа.

Читатель, пожелавший решить, какая версия является истинной, должен знать, что письмо Мясникова Сварц от 29.04.1964 г. и его же письмо послу Яррингу в июне 1965 г. написаны согласно проектам МИД СССР , утвержденными секретными постановлениями ЦК КПСС по представлению Громыко, озабоченного своей репутацией как автора «меморандума Громыко» 1957 г. [23]. Зная это, можно предположить, что все, что делал Мясников в этом деле после января 1961 г. было строжайше предписано ему властями.

Отец Рауля, морской офицер, умер еще до рождения сына. Мать - Мария Висинг Валленберг-Дардель и отчим - Фредрик фон Дардель, будучи уже в преклонном возрасте, получив очередное фальшивое известие о судьбе сына, не смогли этого вынести и кончили жизнь самоубийством, приняв смертельную дозу снотворного : он - 12, она - 14 февраля 1979 года. Под их некрологом стояли подписи их детей: Нина Лагергрэн, Ги фон Дардель и Рауль Валленберг. Как будто и он был жив в 1979 году и скорбел о смерти своих близких. До последнего вздоха родители Рауля отказывались верить в его смерть и завещали эту веру двум своим детям, Нине и Ги. Сводный брат Рауля Валленберга, профессор физики Ги фон Дардель умер на 91-м году жизни 31.08.2009 г.

Использованная литература

1. Советский энциклопедический словарь.- М.: Советская энциклопедия, 1987.
2. Большой энциклопедический словарь.- М.: Советская энциклопедия; Л.: Фонд «Ленинградская галерея», 1993.
3. Современный энциклопедический словарь.- М.: Большая Российская Энциклопедия, 1997.
4. Всемирный биографический энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998.
5. Первый биографический БЭС.- М.: Норинт, 2007.
6. Вайнер А., Вайнер Г. Евангелие от палача.- М.: СП «ИКПА», СП «КВАДРАТ», 1991.
7. Семенов Ю. Ненаписанные романы (Ненаписанные романы, Отчаяние, 1952-1956).- М.: ДЭМ, 1989.
8. Бирман Дж. Праведник. История о Рауле Валленберге, пропавшем герое Холокоста .- М.: Текст, 2007 (Приложение: Рауль Валленберг. Отчет шведско-российской рабочей группы).
9. Янгфельдт Б. Рауль Валленберг. Исчезнувший герой Второй мировой.- М.: АСТ: CORPUS, 2015.
10. Нерлер П. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. Книга доносов, допросов и обвинительных заключений.- М.: Петровский парк, 2010.
11. Кудрова И.В. Разоблаченная морока.- СПб.: Изд. Сергея Ходова, Крига, 2007.
12. www.kommersant.ru/doc/135270
13. Млечин Л.М. Коллонтай.- М.: Молодая гвардия, 2013.
14. Этингер Я.Я. Это невозможно забыть: Воспоминания.-

- М.: Весь мир, 2001.
15. Ваксберг А.И, Валькирия революции.- Смоленск: Русич, 1997.
 16. Бронштейн А.С. Шоссе Энтузиаста.- М.: Контакт РЛ, 2006.
 17. Мясников А.Л. Я лечил Сталина: из секретных архивов СССР.- М.: Эксмо, 2011.
 18. А.Л.Мясников и Г.Ф.Ланг (по воспоминаниям А.Л.Мясникова).- Кардиологический вестник, №2, 2006 (con-med.ru).
 19. Метелица В.И. Страницы жизни.- М.: Радуга, 2001.
 20. МИД РФ. Официальный сайт 10/25/2000. Отчет о деятельности российско-шведской рабочей группы по выяснению судьбы Рауля Валленберга (1991-2000 годы).
 21. Христофоров В.С. Состав преступления: Точка в «деле Валленберга» не поставлена до сих пор.- Интервью газете «Время новостей» 19.01.2009.
 22. [www.raoulsfate.org/ AAttrans.pdf](http://www.raoulsfate.org/AAttrans.pdf)
 23. Безыменский Л.А. Будапештский мессия. Рауль Валленберг .- М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2001.